

М. Н. ТИХОМИРОВ

„Написание“ Даниила Заточника

Литературная история произведений, связанных с Даниилом Заточником, до сих пор не ясна. Высказывания по поводу личности Даниила противоречивы и порой мало обоснованы. До сих пор нет еще согласия даже в вопросе о времени появления основных редакций „Слова“ и „Моления“. В последней своей работе В. М. Гуссов вновь высказывает мысль, что „так называемая «вторая» редакция является на самом деле первоначальной, а так называемая «первая» представляет уже ее переделку“.¹

Не разбирая положений В. М. Гуссова, отметим здесь только, что его попытка связать „Моление“ с конкретной историей событий начала XIII века заслуживает большого внимания. Но сам вопрос о времени появления „Слова“ и „Моления“ остался в его статье в сущности неразобранным. Да и трудно его разрешить при помощи только раньше собранного материала. Поэтому появление нового списка произведения Даниила Заточника, к тому же списка с очень большими отличиями от других, позволяет снова поставить вопрос о взаимоотношении „Слова“ и „Моления“, а также вопрос о времени возникновения „Слова“, о его составителе и о князе, к которому автор обращается.

I

Новый список произведения Даниила Заточника, названный в рукописи „Написанием“, был найден мною в библиотеке музея б. Кирилло-Белозерского монастыря в июне 1953 года. Находка была чисто случайная, так как рукопись со „Словом“ не отличается какими-либо внешними достоинствами. Больше того, она носит на себе следы потерок белой краски, видимо попавшей на нее во время какого-либо ремонта. На месте рукопись была нами кратко описана, а с текста „Написания“ Даниила Заточника снята копия при помощи сопровождавшего меня историка В. И. Сергеева.

„Написание“ входит в состав сборника XVII века. Рукопись написана в четверку, на 279 листах. На бумаге имеется водяной знак — шут с 5-лопастным воротником. Написана рукопись полууставом первой половины или середины XVII века. Заставка и вязь, поставленные перед „Житием“ Василия Нового, старопечатного стиля. На переднюю корку переплета внутри наклеена миниатюра XVII века — изображение Васи-

¹ В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. Труды ОДРА, т. VII, 1949, стр. 410.

лия Нового. Переплет картонный. На нем наклеен ярлык с цифрами, сделанными печаткой: „№ 2871. 2. Ж. 74“.

На первом листе карандашом помечено несколько номеров: №№ 182, 280, 11449. Тут же пометы (печатью): „г. Кириллов: [Музей] Кириллов-Белозерский и Ферапонтов“. То же помечено в конце „Жития“ Василия Нового. После „Жития“ Василия Нового, на обороте последнего листа и на 2 чистых листах запись XVIII века: „Сия книга глаголемая Василь Новый а подписал... ма...“ (неразборчиво). На втором чистом листе скорописью XIX века: „Сия книга принадлежит грешной Викторине“.

В состав сборника входят:

- 1) „Житие Василия Нового“ (лл. 1—145);
- 2) „Книга глаголемая Пчела сирѣчь цвѣтникъ. Избрано изо многихъ книгъ мудрости от еуангелия и от апостола“ (лл. 148—190 об.); всего в „Пчеле“ 70 слов;
- 3) „Главы показательны царства Василия царя Греческаго к сыну его великому царю Льву возлюбленному“ (лл. 191—213);
- 4) „Генадия архиепископа Константина града Стословец. Слово о вѣрѣ“ (лл. 213 об.—228 об.);
- 5) „Святаго Нила о осми помыслѣхъ“ (лл. 228—233);
- 6) „От приточ святаго Нила, еже ко иноком“ (лл. 233 об.—235);
- 7) „От Старчества“ (лл. 235—272);
- 8) несколько мелких статей из монашеских сборников; на обороте листа 272 заканчивается вверху обозначение листов „Пчелы“. Повидимому, был вырван один лист, так как текст обрывается на словах: „и богу нашему...“;
- 9) „Написание“ Даниила Заточника (лл. 273—279).

Почерк рукописи очень четкий, над словами поставлены ударения, как это встречаем и в печатных изданиях XVII века. Заставки и инициалы сделаны тщательно, хотя и пострадали от времени и плохой сохранности рукописи. „Написание“ начинается с новой страницы и озаглавлено: „От книги глаголемыя пчелы. Написание Данила Заточеника къ своему великому князю Ярославу Владимировичю [так в рукописи]. Вельми полезно“. Следовательно, переписчик считал „Написание“ входящим в состав „Пчелы“, для чего у него, может быть, имелись основания. Ведь „Написание“ могло объединиться с „Пчелой“ уже в том оригинале, с которого оно было списано в нашу рукопись.

Текст „Написания“ передается нами в том виде, как он помещен в рукописи, и с соблюдением знаков препинания рукописи. Выносные буквы внесены в строку и заключены в квадратные скобки.

[Написание Даниила Заточеника]

От книги глаголемыя пчелы. написание данила заточеника, къ своему великому князю ярославу владимировичю вельми поле[з]но. Вострубимъ, оубо яко в златкованныя трубы, в разуме¹ оума своего; і начнем бити в сребренныя² органы, и возоіемъ от премудрости. боже боже мои вскую мя еси оставилъ. востани слава моя, востану во псалтыре и гуслех. востану рано. исповѣмтися. разверзу в притча[х] гаданія мо[я] провѣщаю во языцѣх славу мою. [л. 273 об.] сердце бо смысленаго оукрѣпляется, в тѣлеси его мудрості[ю]. бысть языкъ мой, яко трость книжника скорописца. оувѣтливая оуста аки рѣчная быстрина.

¹ е переправлено на ъ.

² Другим почерком сверху приписано второе и.

сего ради понудихся написати всякъ сооузъ сердца моего, и разби[х] злѣ аки древняныя младенцы о камень. но боюся господине похваления твое[го] на мя. азъ бо есмь яко она смоковница непло[д]ная, не имѣю плода покаянню. имѣю бо сердце аки лице безо очю. и бысть оумъ мой, аки нощныи вранъ на ны [л. 274] рищи. забдѣхъ и ра[з]сыпахся животъ мой, аки хананейскій царь буестию. и покры мя нищета, яко же чермное море гордаго фараона. се же бѣ написахъ ібежа[х] от лица художества моего, аки агарь от сар'ры госпожи своея, но видѣхъ господине твое добросердіе до себе і притекох ко обычней¹ твоеи любви.² глаголет бо писаніе, просящему оу тебе даи, толкущему отверзая, да не лишень будеши царствія небеснаго. писано бо есть воз'верзи на господя печаль твою і тои тя препитает.³ [л. 274 об.] княже мои господине мои, азъ бо есмь яко трава блещаемая и растома на застѣнѣ на нее [же] ни солнце сіяетъ ни дождь идетъ. тако же і азъ всѣми обидимъ есть. зане ограже[н] страхо[м] грозы твоея аки оплотомъ твердым. не возри на мя господине мои аки волкъ на агня, но возри на мя яко мати на своего младенца. зане господине кого богъ милует[т], а мнѣ горѣ лютое. друзи мои и ближніи мои, и ти отвергошася мене. зане не поставих пре[д] ними трапезы і многообразны[х] [л. 275] брашенъ. мнози бо при славѣ со мною дружатся, а при напасти яко враги обрѣтаются, и паки очима бо плачю[т] со мною, а сердце[м] смѣю[т]ми ся. тѣм же не ими другу вѣры ни надѣся на брата. яко же рече соломонъ, не даи же ми господи ни богатства ни оубожества, аще ли буду богатъ то гордость восприму. аще ли оубогъ помышляю на татбу и на разбой. тѣм же вопію к тебѣ княже мои господине мои одержимъ азъ нищетою, помилуй мя сыне велика[го] князя [л. 275 об.] владимира. да не восплачюся рыдая яко адамъ рай. зане же господине богатъ мужъ знаемъ есть і на чюжеи странѣ і друзи⁴ имѣеть. а оубогъ і во своемъ градѣ ненавидимъ есть. богатыи возглаголетъ вси оумолкнутъ, и слово его до облакъ во[з]несу[т]. а оубогіи возглаголетъ и вси ему возсмѣются, их же ризы свѣтлы тѣхъ и рѣчь честна. княже мои господине мои, избави мя от нищеты сія аки птицу от тенята, іли яко овцу от волковъ. княже мои господине мои, азъ бо [л. 276] есмь аки древо при пути, мнози его посѣкають и во огонь мещуть. тако же і азъ всѣми обидимъ есмь, зане же ограженъ страхо[м] грозы твоея. яко же бо олово гинетъ часто на огни разваряемо, тако и человекъ приемля многія бѣды, і никто же може[т] много соли зобати, ни в печали человеку смыслити. злато искушается огне[м], а человекъ напастьми. пшеница бо много мучима чистъ хлѣб[о] являетъ, а человекъ по печали обрѣтаетъ оумъ совершенъ. моль ризы изыдаетъ [л. 276 об.] а печаль человека. і аще кто в печали человека призритъ, то аки студеною водою напоить его во зноинныи день. птица бо радуется веснѣ, а младенецъ своей матери. весна оукрашае[т] цвѣты землю, а ты оживляеши вся человекы милостію своею. княже мои господине мои, яви ми зракъ лица твоего, яко⁵ глаголь твой сладок[о], і обра[з] твой красенъ, сладость источають оустнѣ твои. но егда ты веселишися многими брашны, а меня помяни сухъ хлѣбъ ядуща. или піешь сладкое питіе, а меня [л. 277] помяни теплую воду піюща. егда[же] лежиши на мягки[х] постеляхъ под соболными одѣялы, а меня господине помяни по[д] еди-

¹ е переправлено на ъ.

² Здесь оставлено чистое место, где поместились бы две буквы.

³ Слогъ таетъ написанъ подъ строкой, подъ препи.

⁴ После д поставлен паерокъ.

⁵ Сверху поставленъ значокъ и на поляхъ тем же почеркомъ зане.

нымъ плато[м] лежаща и зимою оумирающа, и каплями дождевными, яко стрелами сердце мое пронизающе. князе мои господине мои, да буди рука твоя распростерта на подание оубогимъ, ни чашею моря исчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. яко[же] невод не одержитъ в себѣ воды, точію рыбы едины. тако і ты господине, не во[з]держи ни злата,¹ [л. 277 об.] ни сребра, но роздан людемъ. паволока бо испещрена многими шелки, красно лице являеть, тако і князь многими людьми честенъ и славе[н] по всѣмъ страна[м]. надѣяися на господа, яко гора сіонъ неподвижится во вѣки. многожды безнарядіемъ полки погибають, тако и многія добрыя полки без добраго князя. гусли строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множество[м] коренія. тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою. слезы бо мнози отца и матере лишаются. [л. 278] добру господину служить дослужится свободы, а злу господину служи[т], дослужится болшія работы. князь щедръ аки река текущи сквозѣ дубравы, напаяюще не токмо человекѣ но и скоты. а кня[з]ь скупъ, аки река бе[з] береговъ, береги каменны нельзе² пити, ни коня напоити. княже мои господине мои. не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси богата до обла[к], несмыслена. нищъ мудръ аки злато в сосудѣ. а богат красенъ и несмысле[н], то аки паволочное зголовіе соломы набито. княже мои господине мои, [л. 278 об.] не зри, внѣшняя моя, но зри внутренняя, азъ бо одѣяніе[м] скуденъ, но разумо[м] обилень. возраст юнъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ, и бы[х] мыслию паря аки орелъ по во[з]духу. мужа оумнаго посылая мало ему накажи, а безумнаго посылая и са[м] не ленися по не[м] итти. слышите пренія³ оумны[х] нежели наказанія безумны[х]. дай премудрому вину премудрее будетъ. не сѣи жита на бра[з]дахъ, ни безумному мудрости на сердце. дѣвица погубляе[т] красоту свою блудо[м], а мужъ свое мужество татбою. [л. 279] княже мои господине мои, не море корабли топить но вѣтри погружаю[т]. не огонь ра[з]женіе творить желѣзу, но надыманіе мѣха. тако же і кня[з]ь не са[м] впадаетъ во многія вещи злыя но думчїи вводя[т]. з добрымъ думчею думаетъ князь висока стола доиде[т], а с лихи[м] думаетъ и малого лишень будетъ. азъ же господине княже мои, ни за море ходихъ, ни от философѣ наоучився. но быхъ яко пчела нападаю по красны[м] цвѣто[м]. и собираю медвенны сотъ. тако и азъ собираю книжную сладость словесныи разумъ [л. 279 об.] и совокупихъ аки в мѣхъ воды морскія, и оуже престану глаголати, да не буду яко мѣхъ оутель, роня богатство неимущи[м]. да не оуподоблюся жерновамъ, яко многія люди насыщаю[т], а сами себя не могутъ насыти[т]ь. да не во[з]ненавиденъ буду миру многою бесѣдою, і яко же птица часто поюще, скоро возненавидима бываетъ. господи дай же князю нашему сампсонову силу, і алекса[н]дрову храбрость, іосифовъ разумъ, соломонову мудрость. ныне і присно.⁴

II

Даже краткое ознакомление с „Написанием“ Даниила Заточника показывает серьезные его отличия от известных списков „Слова“ или так называемой редакции XII века. „Написание“ имеет прямую ссылку на „Пчелу“: „От книги глаголемыя пчелы“, что отсутствует в других

¹ Слог та написан под строкой.

² Первоначальное е переправлено на ъ.

³ е переправлено на ъ.

⁴ Внизу приписано другой рукой XVIII века (?) аминь.

списках. Автор „Написания“ носит имя Даниила Заточеника, как и в списках „Слова“, только в Толстовском списке он назван Заточником. Название сочинения Даниила, однако, в найденном нами списке, другое: „Написание“, а не „Слово“, как в других текстах. Поэтому в отличие от других списков мы и будем его далее называть „Написанием“ Даниила Заточеника. Адресат, к которому обращается Даниил, обозначен как великий князь Ярослав Владимирович. В Академическом и Копенгагенском списках „Слова“ Ярослав Владимирович назван просто князем, а в списке Никольского и Барсова даже сыном Даниила.¹

Обращаясь теперь непосредственно к тексту „Написания“ и сравнивая его с известными нам списками „Слова“, мы заметим, что текст „Написания“ значительно короче. Так, в нем отсутствуют следующие крупные отрывки, имеющиеся в списках „Слова“ (в скобках указываются страницы по изданию Н. Н. Зарубина): „воззри на птица... милости твоя“ (8); „погнетающе руку со мною в солило“ (9); „помогающе подразити ноги мои“ (9); „не лгал бо ми Ростислав князь... в нищети“ (10); „а жены на б...“ (10); „пусти тучю художества моего“ (11); „всяк бо человек... смыслити“ (12—13); „печалну бо мужу засюшать кости“ (13); „сироты и вдовици от велмож погружаемы“ (14); „и послание твое аки рай с плодом“ (14); „от места незаветрена“ (15); „якоже похвалиси Езекий царь... двинется тма“ (17—18); „дивна за буяном... князем воевати“ (18); „зане князь щедр... прибегают“ (19); а боярин щедр... сождения порт“ (20—21); „но постави сосуд... сердце безумному“ (22—23); „очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира“ (23); „безумных бо ни сеют... к тебе не скорбил“ (24—25).

Пропущен также большой кусок „Слова“, где говорится о злых женах: „Глаголет бо в мирских притчах... мене продадут“ (27—33).

На первый взгляд создается впечатление, что „Написание“ просто является сокращением „Слова“. Но такое простое объяснение не находит оснований в самом характере сокращений. Прежде всего среди выпущенных мест есть длинный отрывок, направленный против злых жен. Резкие выпады против злых жен, представляющие собой нагромождение афоризмов, выпадают из общего построения „Слова“, уводят в сторону от его содержания. Можно предполагать, что весь отрывок о злых женах был вставлен в произведение Даниила позже, а не существовал в его первоначальном оригинале. На это указывает и фраза, заканчивающая рассуждение о злых женах: „еще возвратимся на предняя словеса“ (33). Это обычная ссылка на вставку, которая хорошо известна по летописям и другим памятникам древнерусской литературы. Не случайно в отрывке о злых женах нет обращения к князю („княже мой, господине мой“), так как эта вставка не имеет ничего общего с содержанием „Написания“.

Такой же вставной характер имеет ссылка на царя Езекию и Святослава Ольжина сына (17—18). Крайне характерно и отсутствие ссылки на князя Ростислава, столь сбившее исследователей („не лгал бо ми Ростислав князь“, 10). Явной вставкой является и фраза: „видишь велик зверь, а главы не имеет“, — разбивающая слова о безнравственности полков, погибающих без доброго князя.

Вообще, если признать, что автор „Написания“ последовательно сокращал текст, останется непонятным, почему он выкинул как раз

¹ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Приготовил к печати Н. Н. Зарубин. Изд. АН СССР, Л., 1932.

те места „Слова“, которые особенно привлекали внимание переписчиков и сохранились в „Молении“ и переделках „Слова“ и „Моления“, особенно поучение о злых женах. Не проще ли предполагать, что этих мест не было в первоначальном оригинале произведения Даниила Заточника.

Характерно также последовательное отсутствие в „Написании“ замечаний о боярах и княжеских тиунах (20—21, 25), о вельможах, обижающих сирот, и др. Слово „боярин“ даже не упоминается в „Написании“, где автор непосредственно обращается к князю.

Предположение о том, что „Написание“ является простым сокращением „Слова“, опровергается и существованием ряда важных отличий в нем от текстов „Слова“. Эти отличия имеют тем большее значение, что они относятся как раз к тем местам „Слова“, которые имеют датирующее значение. Таков знаменитый каламбур „Слова“: „Зане, господине, кому Боголюбиво, а мне горе лютое, кому Бело-озеро, а мне черней смолы, кому Лаче-озеро, а мне на нем седя плачь горкий, и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали“ (8). В „Написании“ здесь сказано кратко: „Кого бог милует, а мне горе лютое“. Северное происхождение списка „Написания“ никак не объясняет, почему было сделано сокращение каламбура. Вернее думать обратное: была расширена первоначальная тема о том, кого бог милует, а кому горе лютое.

Обращение в „Написании“ сделано к сыну великого князя Владимира, тогда как в других списках, за исключением списка Никольского, — к сыну великого царя Владимира, что заставило некоторых исследователей считать адресатом „Слова“ Юрия Долгорукого как сына Владимира Мономаха, которого будто бы только и можно было называть на Руси царем, что, впрочем, неверно.

Отдельные варианты „Написания“ также не говорят в пользу предположения о его заимствовании из „Слова“. Так, в „Написании“ читаем: „И начнем бити в сребренны органы и возопием от премудрости: «боже, боже мой, вскую мя еси оставил»“.

В „Слове“ здесь читаем витиеватую и не вполне ясную фразу: „И начнем бити в сребренны арганы возвитие мудрости своеа“. Мало понятное „возвитие“ заменено в других списках: „и возвеем“, „возвестия“ и „возвиде“ (4).

Вместо слов: „яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от уст львов“ (12) в „Написании“ читаем более понятное: „аки птицу от теньта или яко овцу от волков“.

Подробный анализ всех отличий „Написания“ от „Слова“ не входит в нашу задачу, но и беглый обзор этих отличий не позволяет предположить, что „Написание“ является простым сокращением „Слова“.

В „Написании“ находим такие варианты (в скобках указаны варианты „Слова“ и страницы по изданию Зарубина): „быстрина“ („быстрость“, 5), „понудихся“ („покушахся“, 5), „похваления“ („похуления“, 5), „неплодная“ („проклятая“, 5), „гордаго“ (в „Слове“ нет, 6), „оплотом“ („плодом“, но в Толстовском списке тоже — „оплотом“, 7), „своего“ (в „Слове“ нет, 8), „при славе“ (в „Слове“ нет, 9), „глагол“ („глас“, 14), „сладост“ („мед“, 14) и пр.

Имеются и другие отступления самостоятельного значения от текста „Слова“. Так, в „Написании“ читаем: „да буди рука твоя распростерта“; в „Слове“: „да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена“ (15—16).

Тем не менее следует признать, что „Написание“ дошло до нас в списке, который неполно и неточно передает первоначальный оригинал. Так, „древняя младенца“ (5) превратились в „Написания“ в „древняя младенца“, хотя речь идет об образе, взятом из известного псалма („На реках вавилонских“). Явно испорчено и другое место „Написания“: „слезы бо мнози отца и матере лишаются“. Вместо „слезы“ должно быть „слузи“, как в „Слове“.

Есть еще одна особенность „Написания“, говорящая о его самостоятельном происхождении. В нем мы находим постоянное и более интимное, чем в „Слове“ обращение к князю, являющееся как бы введением к дальнейшим жалобам и афоризмам: „княже мой, господине мой“. Совершенно непонятно, почему такое обращение к князю следовало бы признавать более поздним и происшедшим от сухого обращения „господине“.

Подводя итог нашим замечаниям, позволим себе сделать вывод, что „Написание“ не было сокращением „Слова“, а наоборот, оригинал „Написания“, не дошедший до нас, послужил источником для „Слова“, дополненным и расширенным рядом вставок. Поэтому „Написание“ заслуживает особого изучения, тем более что оно лишено ряда вставок (например, о злых женах), которые вовсе не являются характерными для русских гражданских памятников XII—XIII веков, а типичны для монашеских сборников, куда и попало позже произведение Даниила. Конечно, наши наблюдения заслуживают проверки и могут быть пока приняты только в виде рабочей гипотезы.

III

„Написание“ лишено ряда мест, которые раньше служили для определения того, кем был Даниил Заточник и к какому князю он обращался. При отсутствии в „Написании“ указаний на Боголюбиво, Белоозеро, Лаче-озеро и Новгород, указанием на место составления „Написания“ может служить его распространение на севере. Список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ранее принадлежал Кирилло-Белозерскому монастырю. Северного происхождения и списки Никольского и Барсова, собирателей рукописей на севере Руси.¹ Единственный список „Написания“ также северный. Он найден в Кирилло-Белозерском монастыре. Позднейшее предание связывает Даниила Заточника с озером Лаче или с Белым озером. Белое озеро и озеро Лаче относились к новгородским владениям. Следовательно, и князь, к которому обращался Даниил, должен был быть князем новгородским.

Из новгородских князей с именем Ярослава Владимировича известны только два: Ярослав Мудрый и другой Ярослав, трижды княживший в Новгороде во второй половине XII века. Из южных князей с именем Ярослава Владимировича известен только галицкий князь, который явно не имеет отношения к „Слову“ или „Написанию“ как памятнику северного происхождения. Поскольку приурочивание „Слова“ и „Написания“ ко времени Ярослава Мудрого невероятно, остается наиболее правильным предположение, что „Слово“ и „Написание“ обращаются к Ярославу Владимировичу Новгородскому, княжившему во второй половине XII века.

¹ К северной редакции относится и список, опубликованный В. И. Малышевым в шестом томе „Трудов ОДРЛ“ (1948, стр. 193—200).

Различного рода догадки о каком-то другом князе, к которому обращался Даниил Заточник, являются маловероятными и основаны на произвольном толковании обращения к сыну „великого царя“ Владимира.

Мало значения имеет и представление о небольшой популярности Ярослава Владимировича, что будто бы могло помешать обращению к нему со „Словом“. Дальнейшие переписчики, вероятно, связывали имя Ярослава Владимировича с Ярославом Мудрым, как это было и с „Уставом Ярослава о мостех“, возникшим при Ярославе Владимировиче во второй половине XII века или при Ярославе Всеволодовиче в первой половине XIII века.

Что же мы знаем об Ярославе Владимировиче, княжившем во второй половине XII века?

Ярослав был сыном князя Владимира Мстиславича, правнуком Владимира Мономаха. Новгородская летопись величает его следующим образом: „сын Володимирь, а внук великаго Мьстислава“.¹ Добавим к этому, что отец Ярослава, Владимир Мстиславич, одно время был киевским князем.

В 1182 году Ярослав сел княжить в Новгороде при помощи великого князя Всеволода Большого Гнездо, которому приходился свояком. Следовательно, Всеволод и Ярослав были женаты на родных сестрах. Через два года Всеволод вывел своего свояка из Новгорода, так как против него были восстановлены новгородцы, „зане много творяху пакостей волости Новгородьской“.

Ярослав вторично появился в Новгороде в 1187 году. События, связанные со вторым княжением Ярослава, кратко отмечены в летописи. В 1190 году у него родился в Новгороде сын Изяслав. В 1191 году он поставил на Городище, княжеской резиденции под Новгородом, деревянную церковь Николая. В 1194 году Ярослав ходил на рубеж Полоцкого княжества сговариваться с полочанами об общем походе в Литву и против Чюди. Это событие привлекло к себе внимание современников и более подробно рассказано в Ипатьевской летописи, чем в Новгородской. Поход на Чюдь состоялся в том же году и окончился взятием Юрьева (Дерпта). В следующем году Ярослав посылал свою дружину против эстонского города Медвежья голова (Оденпе), который был взят русскими войсками. В 1196 году Ярослав по требованию Всеволода Большое Гнездо ходил на Чернигов, но поход расстроился: новгородцы с князем Ярославом вернулись домой, „а Ярослава негодуюче“. В 1196 году новгородцы выгнали Ярослава. В 1197 году Ярослав вновь был приглашен новгородцами на княжение. В 1198 году он заложил церковь Преображения на Нередице, а в 1199 году был опять выведен из Новгорода великим князем Всеволодом, на этот раз окончательно.²

Наша краткая справка будет совершенно бесполезной, если к ней не добавить несколько существенных замечаний, имеющих прямое отношение к „Написанию“ Даниила Заточника.

Ярослав Владимирович вовсе не принадлежал к числу малозаметных людей своего времени. Его титулование в Новгородской летописи „сыном Владимира, внуком Мстислава“ подчеркивало происхождение от сильнейшего и знаменитейшего из князей, наследовавших Владимиру Мономаху. Мстислава Владимировича иногда называли Великим,

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 37.

² Там же, стр. 37—44.

а в южнославянской письменности сохранилось даже его „Житие“. Следовательно, и в „Написании“ было вполне уместно обращаться к сыну „великого князя Владимира“. Новгородская летопись называет великим князем и самого Ярослава Владимировича: „князь великий Ярослав, сын Володимирь, внук Мстиславль“.¹ А это совершенно соответствует обращению „Написания“ к великому князю Ярославу Владимировичу. После этого прямого свидетельства наших источников, какую же цену могут иметь рассуждения о малой известности и популярности в Новгороде князя Ярослава Владимировича? Что можно противопоставить титулу „великого князя“, употребленному в применении к Ярославу Владимировичу и в летописи, и в „Написании“, кроме домыслов о возможных ошибках переписчиков?

Здесь не место входить подробно в обстоятельства княжения Ярослава Владимировича, но нельзя не отметить одну его особенность: среди новгородцев существовали ярые сторонники Ярослава.

К каким же кругам они принадлежали? На это отчасти указывает Новгородская летопись. Вторично на княжеский стол Ярослава приглашали „переднии мужи сотьский“. Они взяли Ярослава „с всею правдою и честью“. Ярослав сел на новгородский стол, „обуясь с людьми“, т. е. договорившись с людьми, а под словом „люди“ чаще всего понимались городские круги, прежде всего ремесленники. Изгнание Ярослава из Новгорода в 1196 году было настолько заметным фактом, что его отметила и южнорусская летопись.²

Деятельность Ярослава оставила довольно прочную память в Новгороде, настолько прочную, что составленный им „Устав“ о мостовой повинности рано стал включаться в сборники новгородских актов. Оставил память Ярослав Владимирович и построением церкви Преображения на Чередице, расписанной замечательными фресками и погибшей во время Великой Отечественной войны от рук фашистских варваров.

Итак, нельзя говорить о Ярославе Владимировиче как о захудалом князе, если не отказаться от прямых указаний источников, заменяя их домыслами об описках переписчиков и пр.

К такому князю с полным правом могли быть обращены слова „Написания“ о князе, которым крепится град наш, т. е. Новгород: „так и град наш крепится твоею державою“. Новгородский князь „многими людьми честен и славен по всем странам“ является, к нему с полным правом можно было обращаться с призывом не держать злато и серебро, а раздавать его „людям“. Обращения Даниила к своему князю о гибели полков от безнарядья также понятны, если мы вспомним, что Ярослав совершил несколько военных походов и был тем „добрым князем“, который водил за собой „добрые полки“. Во всех этих обращениях Даниила нет ничего противоречащего биографии Ярослава Владимировича.

Обращаясь теперь к автору „Написания“ и „Слова“, отметим прежде всего, что имя его обозначено точно: он назван Даниилом Заточником. Само название произведения: „Написание Даниила Заточника к своему великому князю Ярославу Владимировичу“, могло принадлежать самому автору. Слово „написание“ употреблялось в древнейших русских памятниках в смысле письменного изложения или письма. Из подборки, сделанной в „Материалах для словаря древне-

¹ Новгородская первая летопись... стр. 44.

² Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871, стр. 470—471.

русского языка“ И. И. Срезневского, ясно следует, что термин „написание“ очень древний. Непонятно, откуда этот старый термин мог появиться у позднейшего переписчика или редактора первоначального „Слова“. Старое предание, записанное под 1377 годом, уже говорило о заточении Даниила на Лаче-озере. В исчезнувшей Троицкой летописи оно было записано в такой форме: „Егда бысть побоище на Воже с Бегичем, изнимаша на той войне некоего попа, от орды пришедша, и обретоша у него злых зелий лютых мешок, и много истязавше его, послаша на заточенье на Лаче-озеро, иде же бе Данило Заточеник“.¹ В этом летописном известии сохраняется форма прозвища Даниила, известная нам по „Написанию“ и „Слову“ — „Заточеник“, а не „Заточник“.

Какие же данные мы черпаем из „Написания“ о самом Данииле Заточенике?

В сущности наиболее полным указанием на социальную принадлежность автора „Написания“ является указание его на то, что он был слугой князя: „Служи бо мнози отца и матере лишаются: добру господину служат, дослужится свободы, а злу господину служит, дослужится большия работы“.

Какая же вина была у Даниила, чтобы князь отказался от обычного добросердия к нему и его „покрыла нищета“? Нищенское положение автора „Написания“ неоднократно подчеркивается обращением к князю с просьбами защитить его от преследований и обратить внимание на его бедственное положение. Тут же приводится и причина княжеского гнева — это „татьяба“. Муж губит „свое мужество татьябою“.

К какой же социальной среде принадлежал Даниил и в чем заключалась „татьяба“, которую он совершил? Прежде всего приходится отвергнуть мысль о том, что Даниил принадлежал к дружинникам или вообще к ратным людям. В „Написании“ нет даже намек на какие-либо воинские аксессуары, если не считать общего упоминания о полках и князе-полководце. Зато „Написание“ наполнено другими образами, не имеющими никакого отношения к воинской службе и очень настоятельно ведущими нас в определенные круги городского населения древней Руси. Автор „Написания“ был прекрасно знаком с процессами плавки дорогих металлов. „Олово гинет часто на огни разваряемо“, „злато искушается огнем“, „не огонь разжение творит железу, но надымание меха“ — такие образы, такие сравнения возникают перед Даниилом Заточеником, обращающимся к своему князю.

До сих пор еще в ходу было представление о малом развитии письменности в древней Руси. Открытие новгородских грамот на бересте опровергло мнения о бесписьменных, безлитературных русских городах, где будто бы только феодалы и духовенство занимались литературой. Какие же основания теперь отвергать предположение, что Даниил Заточеник был ремесленником-серебряником, попавшим в беду, наказанным за кражу? Ведь именно такие ремесленники делали замечательные новгородские сосуды и ставили на них свои имена. Они покрывали их надписями, чего не могли сделать неграмотные люди.²

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 447.

² Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948, гл. V.

Тогда автобиографически будут звучать и слова: „се же бе написях и бежах от лица художества моего“. И. И. Срезневский переводит слово „художество“ в „Слове“ Даниила Заточеника как „худые дела“, но почему нельзя считать, что под художеством понимается занятие ремеслом или искусством, от которого бежал Даниил, совершив преступление? Тогда в лице Даниила Заточеника мы можем увидеть ремесленника или художника. Подобный человек мог хорошо знать литературу и несмотря на свой „юный возраст“ быть выдающимся художником, находится, по его собственным словам, „в славе“ до своего преступления.

„Написание“, дошедшее до нас в позднем списке, представляется нам памятником, ближе всего стоявшим к первоначальному произведению Даниила Заточеника. Развитие легенды о Данииле можно наблюдать по Толстовскому списку. В него вставлен рассказ о том, как Даниил писал в заточении на Бело-озере, запечатал свои словеса в воск и бросил в озеро. Пойманную рыбу отнесли к князю, который прочел „Написание“ и велел освободить Даниила.

В этом предании уже встречаем термин „написание“. Интересно противоречие между указаниями летописи на заточение Даниила на озеро Лаче и свидетельством Толстовского списка о нахождении Даниила на Бело-озере. Вероятно, это зависело от стремления осмыслить каламбур „Слова“ о Бело-озере и Лаче-озере. Для нас это служит важным указанием на то, что уже в конце XIV века существовало указание на Лаче-озере как на место заточения Даниила. Это указание могло и не иметь какого-либо реального значения, а только было литературным домыслом. „Слово“ и „Моление“ представляются нам развитием того, что было дано в „Написании“. Сравнение Даниилом самого себя с пчелой, характер памятника с его афоризмами, связали „Написание“ с „Пчелой“ как сборником нравственных и обеспечили произведению Даниила популярность. На основании „Написания“ возникли „Слово“ и „Моление“, но пересмотр их взаимоотношений не входит в задачи данной статьи.